

дворных истуканах» (например, в главе «Выдропуск»: «Мы уничтожаем ныне сравнение царедворского служения с воинским и гражданским») напоминают изречения Стародума в комедии «Недоросль». Но Радищев идет дальше Фонвизина, направляя острие своей сатиры против самого источника зла — развращающего влияния царской власти.

Превосходны у Радищева отдельные крылатые выражения, как бы отчеканенные навеки: «гражданин будущих времен» («Хотиллов»), «раб духом, как и состоянием» («Медное»).

Некоторые его определения принимали вид острых парадоксов, например: «Но если во добродетели умереть можешь, умей умереть и в пороке, и будь, так сказать, добродетелен в самом зле» («Крестьяны»), «Таков есть закон природы: из мучительства рождается вольность, из вольности — рабство» («Тверь»).

Но парадоксальная форма изречений мало типична для Радищева. Добиваясь стройности, отшлифованности изложения, он больше всего заботился о строго последовательном, аргументированно-логическом развитии своих мыслей, о их внутренней расчлененности. Вот один образец: «Правила общежития относятся ко исполнению обычаев и нравов народных, или ко исполнению закона, или ко исполнению добродетели <...> Добродетели суть или частные, или общественные. Побуждения к первым суть всегда мягкосердие, кротость, соболезнование, и корень их всегда благ» («Крестьяны»). Автор строго придерживается в дальнейшем этого предварительного намеченного плана рассуждения, получающего форму трактата.

Но и самые трактаты Радищева лишены академической сухости. Установка его речи — ораторская даже там, где отчетливое логическое членение посылок и аргументов соблюдается пунктуально: «Власть моя да пекуся о вскармлении вашем и небрежу о нем; да сохраню дни ваши или расточителем в них буду; оставляю вас живых или дам умереть завременно» («Крестьяны»).

Он любит прибегать к обращениям, окрашенным сильной эмоцией: «О юность! услыши мою повесть»... («Яжелбицы»). «Окаменелые сердца! почто бесплодное соболезнование? О квакеры...» («Медное»). Автор обращается к читателю («Торжок»), к героям повествования (к Анюте из Едрова), к согражданам («Хотиллов»), к жителям Петербурга («Вышний Волочок»), к природе (О природа!.. — «София»).

Обращения переходят в воззвания, звучащие пламенным призывом: «О возлюбленные наши сограждане! о истинные сыны отечества! воззрите окрест вас и познайте заблуждение ваше» («Хотиллов»).